

Переселение крестьян на северо-восточный берег Черного моря в 1830–1850-е годы: водворение и землепользование¹

С. Н. Шаповалов

Сергей Николаевич Шаповалов, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета. 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: shapovalovo7@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу переселения крестьян на северо-восточный берег Черного моря для освоения южных окраин Российской империи в первой половине XIX века. Основная цель — изучение особенностей обустройства крестьян в станицах Закубанского поселения в 1830–1850-х годах и их адаптации к местным условиям. В результате проведенного исследования установлено, что в Закубанском поселении властями был создан особый поселенческий тип — неказачьи станицы, населенные крестьянами из южных и центральных губерний и утратившими навыки военного дела малороссийскими казаками. Крестьянам здесь пришлось столкнуться с недостатком мест для водворения, ограниченным земельным фондом, нападениями со стороны горцев, участием в строительной деятельности для возведения новых населенных пунктов. Правительство оказывало им помощь в форме выдачи сельскохозяйственного инвентаря, оружия, денежных пособий, продовольствия и привлечения к несельскохозяйственным заработкам. После окончательного водворения в одной из неказачьих станиц в распоряжение крестьянам передавались огороды, пашни и сенокосы. Однако землепользование и хозяйство строго регламентировалось станичными властями в связи с постоянной военной опасностью.

Ключевые слова: Закубанское поселение, Анапа, неказачьи станицы, переселенцы, натухайцы, Черноморское казачье войско

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-46-62

Историография вопроса и постановка проблемы

В настоящее время среди исследователей наблюдается устойчивый интерес к изучению организованных переселений (крестьянских, казачьих, иностранных), происходивших на южных окраинах Российской империи в XVII–XIX веках. С. Л. Перечицкая полагает, что центральная власть стремилась такими методами предотвратить

-
1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00330 «Заселение южных окраин Российской империи в XIX веке и проблемы землеустройства и межевания».

бегство крестьян и «поставить переселенческие потоки в контролируемые государством рамки» (Перечицкая, 2011: 68). Такой подход позволял избегать излишних диспропорций в заселении территорий, учитывать ландшафтные, климатические и этнические особенности местности. Как считает Л. Г. Степанова, «структура расселения в новых южных губерниях Российской империи формировалась постепенно с учетом уже имевшихся ранее на этой территории поселений и освоенной земли» (Степанова, 2020: 80).

Одной из южных окраин в XIX веке была территория Закубанского поселения, расположенного на северо-восточном берегу Черного моря. Его особенностью можно считать не только небезопасное пограничное положение, но и необходимость присутствия постоянного мирного населения для постепенной интеграции этой территории в состав империи. Для демонстрации дружественных намерений местным адыгским народностям, занятым преимущественно сельским хозяйством и ремеслами, властями был избран путь основания особых поселений — неказачьих станиц, населяемых крестьянами. Осмысление такой формы организованного переселения требует углубленного изучения.

Научный интерес к изучению заселения и освоения территории Закубанского поселения проявляли еще дореволюционные исследователи. Так, известный общественный деятель и ученый Ф. А. Щербина писал о строительстве первых станиц Закубанского поселения и военной опасности со стороны горцев (Щербина, 2014: 444–445). В то же время коллежский советник В. А. Новицкий в своей статье сообщал о некоторых особенностях внутреннего устройства станиц и статистические сведения о численности поселенцев (Новицкий, 1853: 14–44).

В советской историографии Закубанское поселение не было объектом пристального научного интереса, лишь в отдельных трудах (например: Покровский, 1989: 250) эти территории упоминаются применительно к периоду Крымской войны.

В современной отечественной историографии большинство исследований изучаемой территории, в частности Северо-Западного Кавказа, в 1830–1850-е годы посвящены этническому аспекту: адыгским народностям (Кудаева, 2014; Чирг, 2002; Панеш, 2006; и др.), черноморским казакам (Скибицкая, 2010; и др.) и малороссийским переселенцам (Сазонова, 2008; Федина, 2022).

Несмотря на многочисленные упоминания Закубанского поселения в исследованиях как дореволюционных, так и современных ученых, вопрос системного изучения указанной территории и ее населения остается открытым. Не освещены процессы перемещения, обустройства, жизнедеятельность мирного крестьянского населения. В связи с этим цель данного исследования — изучение особенностей обустройства крестьян в неказачьих станицах Закубанского поселения в 1830–1850-е годы и их адаптации к местным условиям. Для этого требуется охарактеризовать специфику

водворения крестьянского населения; проанализировать государственную поддержку переселенцев на новых местах; выявить особенности крестьянского землепользования; определить источники неземледельческих доходов.

Локализация Закубанского поселения

Появление Закубанского поселения на северо-восточном берегу Черного моря было обусловлено как внешне-, так и внутривосточными обстоятельствами. Успешное окончание Русско-турецкой войны 1828–1829 годов и заключение Адрианопольского мирного договора позволили Российской империи юридически закрепить за собой восточный берег Черного моря от устья реки Кубани до русско-турецкой границы в окрестностях Батума. Однако проживавшее здесь автохтонное население не считало себя подданными султана. Поэтому, как отмечает С. Г. Кудяева, «утверждение власти России было возможно только в жесткой борьбе с адыгами — хозяевами этой земли» (Кудяева, 2012: 64).

Для закрепления новоприобретенных земель российские власти приступили к возведению укреплений Черноморской береговой линии, протянувшейся от поста на Бугазской переправе до пристани Св. Николая. В течение нескольких лет были построены Геленджикское и Навагинское укрепления, а между ними — еще около десятка военных сооружений (Ратушняк, 2012: 96).

Военное укрепление черноморского побережья за Россией еще не означало включение этих земель в правовое, социальное и экономическое пространство империи. С этой задачей могло справиться только гражданское население. Неспособность российских властей договориться с местными народностями об условиях их вхождения в состав государства привела к появлению различных проектов освоения и заселения северо-восточного берега Черного моря крестьянским и казачьим населением.

Наиболее жизнеспособным из них стал проект заселения крепости Анапы и ее окрестностей, интерес к которому проявили малороссийские казаки и жители южных и центральных губерний Российской империи. С начала 1830-х годов здесь было создано Анапское поселение, получившее позднее наименование Закубанского. Как признавал начальник штаба Черноморской береговой линии полковник Н. И. Карлгоф, учреждение Закубанского поселения было вызвано стратегическими соображениями: «Поселение это учреждено по общему предположению на Кавказе стеснять горцев поселениями» (Военно-статистическое, 1853: 36).

Закубанское поселение основано в земле натухайцев. Его естественные границы — устье реки Кубань в месте ее впадения в Черное море, левый берег Кубани и крепость Анапа на черноморском побережье. Ближайшими соседями закубанских станиц были зем-

ли Черноморского казачьего войска, расположенные на правом берегу Кубани и за Бугазской переправой на Таманском полуострове, гарнизоны Черноморской береговой линии и натухайские аулы, вплотную прилегавшие к границам поселения.

На обширной территории Закубанского поселения за весь период его существования одновременно были не более пяти неказачьих станиц и около десятка небольших поселков, в которых проживали от одной до дюжины семей переселенцев. Главной причиной дальнейшего нераспространения населенных пунктов была неурегулированность отношений с натухайцами, которые владели всеми землями до появления здесь российских крестьян и малороссийских казаков.

Взаимоотношения жителей станиц Закубанского поселения с натухайцами и другими адыгскими народностями носили противоречивый характер. Периоды нападений со стороны горцев с пленением поселян, угона их скота и имущества сменялись временами длительных затиший и спокойствия. По мнению американского исследователя Томаса Барретта, такая специфика взаимоотношений была характерна для фронтальных территорий: «Российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования “фронтара” — приграничной, порубежной зоны, включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых» (Барретт, 2000: 165).

Переселение казаков и крестьян в Закубанское поселение

Заселение Анапы и ее окрестностей началось в 1832 году с прибытия на северо-восточный берег Черного моря первых переселенцев в количестве 134 семей малороссийских казаков, которые не знали военного дела и были способны только к земледельческим работам, то есть по своему образу жизни являлись крестьянами. Делами их расселения и обеспечения всем необходимым первоначально занимался Анапский строительный комитет. Правительство за свой счет снабдило переселенцев жильем (было возведено 63 дома), земледельческими орудиями, семенами для посева зерновых и огородных культур, рабочим скотом, ружьями и патронами, а также продовольствием (Новицкий, 1853: 28).

В первые годы процесс причисления к закубанским поселянам носил хаотичный характер. Вместе с малороссийскими казаками, казенными крестьянами, мещанами, купцами и людьми разного звания сюда бежали крепостные и лица, не имевшие письменных видов на жительство (Федина, 2022: 34). Недостаток русскоязычного населения первоначально позволял чиновникам Анапского временного правления не вникать в биографию каждого переселенца, чем

иногда пользовались скрывавшиеся от правосудия. Прибыв на новое место, они изменяли свои имена, отчества, прозвания и даже приписывались к другому сословию (Сазонова, 2008: 76).

После исчерпания возможностей для водворения населения в Анапе власти стали более требовательно относиться к состоянию и происхождению переселенцев. С 13 августа 1835 года после высочайшего императорского повеления в закубанские поселяне перестали записывать бродяг. Теперь в случае их появления без документов в Анапе они подлежали отдаче в солдаты или военно-рабочие роты (Акты, 1881: 855).

Однако и после императорского запрета приток новых жителей и запись в закубанские поселяне продолжались. По мнению американского историка Дэвида Муна, такое положение объяснялось тем, что «в 1830-х и 1840-х гг. тысячи крестьян нелегально мигрировали из юго-восточных губерний России на Северный Кавказ в результате доходивших до них законодательных слухов о заселении края. Одни законы поощряли перемещение в регион представителей некрепостного населения, а другие противоречиво предусматривали переселение некоторых бродяг» (Moon, 1992: 23).

Обратный отъезд переселенцев, как правило, носил вынужденный характер. Основанием для этого была нехватка мест для поселения в самой Анапе или ее окрестностях, пожилой возраст и неимение семьи, принудительная депортация со стороны властей. Последняя мера применялась нечасто. Например, в 1837 году император Николай I приказал отыскать среди анапских переселенцев беглых из слободы Мамоновки дьячка и крестьян (Щербина, 2014: 445). В иных случаях помещики могли получить компенсацию за своих крестьян. Ее сумма в 1837 году составляла 250 руб. за лицо мужского пола и 100 руб. — женского (Акты, 1881: 877).

Неустроенность жизни переселенцев в Анапе побуждала представителей власти оказывать им различное содействие. Одной из его форм было выделение продовольствия для лиц обоего пола. Взрослому полагалась полная норма, а малолетнему — только половина. Границей между взрослостью и малолетством служил семилетний возраст². Продовольствие назначалось только до времени перехода семей переселенцев на самообеспечение.

Другой формой поддержки переселенцев стало выделение специальных сумм для покупки нуждавшимися зимней одежды. В 1836 году на эти цели было выделено 3000 руб. серебром (Акты, 1881: 853). Такая мера была направлена не только на сохранение здоровья закубанского поселянина, но и на предоставление ему возможности заняться промыслами за пределами Анапы в холодное зимнее время.

2. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 260. Оп. 2. Д. 81. Л. 3.

Помимо этого, правительство практиковало выдачу переселенцам денежных пособий, размер которых не был единым и зависел от места и времени перемещения в Закубанское поселение. В 1836 году поселянам на первоначальное обзаведение хозяйством было безвозмездно выделено 12 500 руб. ассигнациями (Новицкий, 1853: 34). В 1844 году жителям бывшего Богоявленского селения, водворившимся в станицу Николаевскую, было безвозмездно выделено по 54 руб. 50 коп. ассигнациями на семью. Еще 125 руб. они могли взять как беспроцентный кредит³.

Также переселенцы временно освобождались от уплаты различных налогов, сборов, воинского постоя, рекрутских наборов и прочих повинностей, кроме земских. Перечень льгот упоминался в «Положении о заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Черного моря»⁴.

Важным источником доходов для поселян оказались земельные наделы (огороды). Они предоставлялись переселенцам в Анапе в ограниченном количестве. Препятствием для наделения земель всех желающих был недостаток самой земли и военная опасность со стороны горцев. О постепенном преодолении этих затруднений писал в 1836 году коллежский ассессор С. В. Сафонов в обзоре восточного берега Черного моря: «В недавнем времени верстах в четырех от Анапы... выстроен редут. Это небольшое укрепление... совершенно обеспечивает от внезапных нападений горцев, позволяет жителям Анапы разводить огороды» (Сафонов, 1837: 6).

Увеличение свободных земель для раздачи переселенцам происходило за счет как распашки бывших лесных участков, так и захвата пашен и сенокосов, принадлежавших натухайским аулам. Последние разорялись русскими войсками в ответ на набеги и проявления какой-либо враждебности. Иногда число пострадавших аулов было достаточно велико. Исследователь С. Х. Хотко пишет о разорении в районе Анапы в одном только 1840 году порядка 50 натухайских аулов (Хотко, 2015: 117). Возможно, такое большое число объяснялось тем, что черкесы не укрепляли своих аулов и защищали их только при неожиданном нападении противника. В противном случае они заранее выселялись в горы и леса (Дубровин, 2015: 254).

Водворение переселенцев в Закубанском поселении

Хаотичность заселения Анапы и ее окрестностей уменьшилась после основания первых населенных пунктов. Таковыми стали не-

3. ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 81. Л. 19.

4. О заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Черного моря. 15 декабря 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 21. № 20707. С. 673.

казацьи станицы, в которых жили преимущественно крестьяне из Таврической, Воронежской, Харьковской, Саратовской губерний и малороссийские казаки. Выбор в качестве поселенческого типа именно станицы объяснялся военным положением края. В станицах располагались гарнизоны, представленные воинскими частями, служившими на Черноморской береговой линии, донские казаки и артиллерия. Вооружение имели и сами жители, но могли его использовать только для защиты своего населенного пункта или имущества во время полевых работ. Оборона станиц дополнялась различными земляными и деревянными укреплениями.

Строительство станиц пришлось на весну-лето 1836 года, тогда появились станицы Зеленая и Ново-Благовещенская. Выбор времени года был связан с сельскохозяйственным циклом работ. Переселенцы должны были успеть завести огороды на новом месте, скосить сено, распахать землю и засеять озимые хлеба. Выполнение земледельческих работ происходило одновременно с возведением домов, хозяйственных построек и оборонительных сооружений.

Колоссальный объем работы требовал от поселян предельной концентрации. Для их ускорения Анапское временное правление практиковало использование помощи со стороны всех переселенцев, желавших водвориться в одной из будущих станиц. Власти применяли и другие способы для скорейшего завершения всех работ. Так, в станице Зеленой в помощь водворяемым были направлены 100 солдат из военно-рабочей роты (Акты, 1881: 856). Последние получали ежедневную оплату от 10 до 20 коп. ассигнациями. Участие в общем деле рассматривалось как одна из форм исправления дурного поведения и проступков поселян, поэтому Анапское временное правление предписывало: «Можно послать на срочные работы от 7 до 14 дней тех поселян, которые дурно себя ведут, преданы разврату, пьянству, просрочивают билеты и вообще требуют мер исправления»⁵.

С появлением первых станиц в Закубанском поселении процесс водворения значительно улучшился. Теперь государственные крестьяне из внутренних российских губерний или малороссийские казаки, прежде чем переселяться в Анапу и окрестные станицы, подавали официальные прошения своим местным начальникам и интересовались наличием свободных для водворения мест. Так, крестьяне Богучарского уезда Воронежской губернии просили окружного начальника: «Буде очистится место в Анапе и станицах оных согласно изъявленного ими желанья поселить и перечислить их в настоящее место в Анапе, когда же будет им перечисление и исключение известить их для приготовления»⁶.

5. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 70. Л. 14.

6. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 8. Л. 80б.

Такие официальные прошения оправдывались тем, что к началу 1840-х годов во всех станицах Закубанского поселения проживали приписанные к ним семьи. Ожидавшие своей очереди на водворение были вынуждены получать разрешение на временное размещение в земле Черноморского казачьего войска. По состоянию на 1 декабря 1841 года здесь находились 1529 переселенцев обоего пола⁷. Черноморцы стремились извлечь для себя максимальную выгоду, пользуясь неопределенным положением таких лиц (Бурькина, 2005: 21). Они сдавали переселенцам жилье, земельные угодья, пашни и места для выпаса скота: «Чтобы собрать 1 десятину земли, платят черноморцам по 10 руб. ассигнациями, за постой — по 3 руб. в месяц от хаты, сена дозволяется им косить только с 6-й копны»⁸.

Иначе происходило водворение лиц в Закубанском поселении, которые получили разрешение на размещение в одной из построенных станиц. При отборе поселян для водворения чиновники Анапского временного правления отдавали приоритет семейным и имевшим земледельческий инвентарь. После получения сообщения о приписке в одну из станиц переселенцы занимались имущественными и хозяйственными делами. Им нужно было позаботиться о сборе урожая на прежнем месте проживания и распродать часть ненужного имущества: различные хозяйственные пристройки, ограды и прочее⁹.

Разрешив свои имущественные вопросы, переселенцы направлялись в станицу для водворения. Здесь им предстояло возвести собственное жилье и хозяйственные постройки, позаботиться о запасах сена для скота. Материалами для строительства служили различные породы деревьев, камыш, ольха. Даже для основания одной станицы переселенцам требовалось заготовить большое число бревен. Так, на строительство домов в станице Зеленой было вырублено до 2000 деревьев (Акты, 1881: 856). Первоначально в лесных предместьях Анапы хватало необходимого для строительства леса: дубов, ясеней, малого вяза, сосен и других деревьев (Скорик, Федина, 2022: 687). Однако их бесконтрольная вырубка быстро привела к образовавшемуся дефициту полезных пород древесины уже во второй половине 1830-х годов. Коллежский асессор Сафонов сообщал в 1836 году о вырубке анапского леса на расстоянии 15 верст для защиты от нападений горцев (Сафонов, 1837: 6). Лесные угодья также использовались для заготовления дров.

К началу 1840-х годов территория Закубанского поселения практически полностью была лишена лесной растительности. Исключение составляли станичные сады, в которых произрастали фруктовые деревья, а также левый берег Кубани, покрытый зарослями вербы. О недостатке местных строительных материалов

7. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

8. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 7. Л. 38об.

9. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 8об.

писал в эти годы начальник Черноморской береговой линии генерал-майор А. И. Будберг: «По берегу Кубани растет верба, высокая и толстая... По совершенному безлесью сего края эта верба составляет единственный строительный материал для Закубанского поселения»¹⁰.

Пока мужская часть переселенцев была занята заготовлением древесины для будущих построек, женщины и дети занимались устройством огородов, которые должны были кормить поселян до сбора урожая зерновых. Все огороды размещались на территории станицы и были защищены ее укреплениями от нападений горцев. На огородах высаживали зелень, картофель, фасоль, горох, капусту, буряки (свеклу), морковь, лук, редьку, огурцы, дыни и арбузы. Даже в засушливый период поселяне на огородах собирали урожай, который не только удовлетворял их потребности, но и приносил излишки. Последние продавались торговцам в Анапе. Наибольший доход с огородов приносили бахчевые культуры¹¹.

Землепользование и организация сельскохозяйственных работ в станицах Закубанского поселения

Станичные огороды играли вспомогательную роль. Основным источником дохода для жителей Закубанского поселения являлись пашни, на которых выращивались озимые и яровые хлеба. Их размер не позволял заниматься полевыми работами в пределах своей станицы. Все сенокосы, пашни и места для выпаса скота находились в окрестностях. Часть используемых жителями земель передавалась под сенокосы войскам местного гарнизона, которые заготавливали сено для конных частей и рабочих волов. Совокупный размер земельных владений станиц не был регламентирован и зависел от конкретных обстоятельств: особенностей расположения поселения (водоемы, балки, курганы), возможностей гарнизонов для прикрытия полевых работ, соседства с натухайскими аулами и их земельными владениями.

В мае 1843 года начальник линии А. И. Будберг попытался упорядочить землепользование жителей станиц Закубанского поселения: «До сих пор Закубанские наши поселяне в станицах Витязевой и Николаевской ничем не ограничены в занятии земель, как для пастбищ своего скота, так и для покосов и хлебопашества»¹². Он полагал, что необходимо найти такое решение в сложившейся ситуации, которое удовлетворяло бы трем условиям. Во-первых, жители Закубанского поселения должны быть обеспечены всеми необходимыми земельными наделами. Во-вторых, следовало уста-

10. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 29. Л. 17об.

11. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 75. Л. 10.

12. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

новить предел занятия земель натухайцев под нужды станиц Закубанского поселения. В-третьих, натухайцы должны были иметь представления о точных границах и пределах роста Закубанского поселения: «Каким бы образом ограничить закубанских поселян в занятии земли натухайцев с тем, чтобы они не нуждались в выгонах для скота, в сенокосах и пахотных полях, но чтобы выгоны эти, сенокосы и поля были постоянно определены...»¹³.

Намерение генерал-майора Будберга не было поддержано его подчиненными, которые полагали, что еще не настало время, когда можно точно установить пределы Закубанского поселения и урегулировать процессы землепользования как внутри самой территории, так и по отношению к натухайским аулам. Откладывание этого вопроса до «умиротворения» края привело к тому, что решение так и не было реализовано. После начала Крымской войны жители станиц Закубанского поселения были выведены на территорию земли Черноморского казачьего войска, а сами станицы разорены.

Полевые работы поселян в станицах были строго регламентированы и зависели не от календарного сельскохозяйственного цикла, а от военной обстановки в конкретный день недели. Решение о возможности проведения различных работ вне пределов станицы (рыхление почвы, посевы, жатва, сенокосы) принимал воинский начальник станицы. Он же отвечал за безопасность поселения и осуществлял охрану ее жителей¹⁴.

Для согласования военных инструкций и сельскохозяйственных надобностей поселян станичное правление каждый вечер передавало воинскому начальнику информацию о месте и характере предполагаемых полевых работ. Ранним утром из станицы отправлялись разезды на проверку (открытие) полей для безопасных работ. К 8–9 часам утра они возвращались и сообщали воинскому начальнику о положении дел в окрестностях станицы. На основании докладов командиров нескольких разездов принималось решение о безопасности проведения полевых работ или об изменении запланированного места. В случае близости неприятеля воинский начальник мог совсем запретить проводить полевые работы. Тогда поселяне оставались в станице и занимались своими огородами, которые также требовали постоянного ухода.

При разрешении воинского начальника проводить полевые работы из станицы выходили все взрослые и дети. Последние выполняли посильную работу сообразно их возрасту. Поселяне брали с собой инвентарь, оружие, рабочий и продуктивный скот, провиант и запасы питьевой воды. Все тяжелые инструменты и вещи складывались в повозки, которые все время находились в местах проведения полевых работ. При появлении горцев повозки играли роль военно-полевых укреплений (вагенбургов).

13. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 106.

14. ГАКК. Ф. 26с. Оп. 1. Д. 1613. Л. 406.

Для обеспечения безопасности этих степных колесных поездов воинский начальник всегда выделял специальный отряд прикрытия. Его численность зависела от военных возможностей каждой станицы. В такой отряд обязательно включались конные казаки, пехота и полевое орудие. Во главе отряда прикрытия находился один из станичных офицеров. На время проведения полевых работ именно он превращался в главного начальника для военных¹⁵.

Даже самые подробные инструкции, имевшиеся в распоряжении воинского начальника станицы, не могли гарантировать совершенную безопасность поселян во время полевых работ. Так, при нападении горцев 6 июня 1853 года на поселян станицы Суворовской ее начальник исполнил все пункты инструкции, а отвечавший за прикрытия полевых работ есаул не выполнил прямой приказ, проявил нерешительность при защите поселян от внезапного нападения горцев, результатом чего стала гибель троих поселян, пленение четырех мужчин и шести женщин, потеря 16 рабочих волов¹⁶.

Постоянная угроза нападения со стороны горцев предопределила и особенности осуществления полевых работ. Поселяне должны были обрабатывать участки, входившие в открытое утренними разъездами пространство. По возможности они должны были держаться близко к охранявшему их отряду, транспортным повозкам и друг другу. При появлении условленных сигналов в виде выстрела из ружья или орудия они должны были вместе со своим имуществом и членами семьи спешить под защиту вагенбурга, где они использовали оружие для самообороны.

Возвращение с полевых работ, как правило, осуществлялось до захода солнца и сопровождалось соблюдением мер предосторожности. Транспортные повозки, рабочий и хозяйственный скот и сами поселяне вытягивались в прямую линию, которая была защищена отрядом прикрытия со всех возможных сторон от внезапных нападений горцев: «Возвращение поселян с работ и скота с пастбища в станицу подчиняется тем же правилам военной предосторожности. По барабану или сигналу. Все это собирается и следует в колонном порядке под прикрытием в станицу»¹⁷.

Только оказавшись за стенами станицы, все участники полевых работ наконец могли почувствовать себя в безопасности. Они отводили весь скот в загоны, раскладывали инвентарь и убирали в надежное место оружие. После поселяне нуждались со станичным правлением и указывали на те поля, которые нуждались в обработке в первую очередь. С наступлением нового дня происходило повторение всей процедуры отправления на полевые работы.

15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1613. Л. 130б.

16. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1650. Л. 60б.

17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1613. Л. 150б.

Деятельность поселян не ограничивалась занятием сельским хозяйством. Постоянный приток переселенцев в Закубанское поселение вызывал потребность в рабочей силе. Анапское временное правление и начальник Черноморской береговой линии стремились завершать основание новой станицы или расширение площади, уже заселенной в течение нескольких месяцев текущего года. Такой подход требовал участия всего закубанского населения. Поэтому в 1840-е годы получила распространение практика привлечения поселян для оказания посильной помощи вновь водворяемым в станицах. Она могла быть выражена в форме рытья рва, насыпи вала, заготовки, сплава и разгрузки дров, сбора камыша и других полезных материалов, возведения домов и хозяйственных построек, предоставления подвод для доставки материалов.

Основная часть поселян закубанских станиц участвовала в водворении новых жителей в течение строго регламентированного времени или заранее определенного объема работ. По их завершении поселяне могли возвращаться к своим неотложным полевым работам. Исключением были неводворенные жители, одинокие и лица, имевшие различные проступки и отличавшиеся дурным поведением. Их прикомандирование к возводимым или расширявшимся станицам было бессрочным и завершалось только после успешного окончания всех запланированных работ. Для поощрения участвовавших в строительных работах поселян Анапское временное правление могло выделять денежные средства из своих особых фондов. Распределение денег происходило сообразно выполненному объему работы.

Вспомогательную роль в жизни поселян играли различные промыслы. Их разнообразие и доходность зависели от места расположения станицы, спроса на производимую продукцию или оказываемую услугу. Сложности с окончательным водворением вынуждали переселенцев заниматься различной неземледельческой деятельностью. Часть из них промышляла извозом между Анапой и Бугазом, где располагалась переправа на Таманский полуостров. Отсюда завозились почта, провиант, различные товары и прибывали новые переселенцы со своим имуществом. Другие жители занимались мелкой торговлей в Анапе. Важным источником доходов была рыбная ловля в Кизилташском лимане и прочих водоемах. Среди наиболее распространенных ремесел можно выделить плотницкую и кузнечную деятельность, портняжничество, выделку кож и овчин, производство глиняной посуды, обжиг кирпича, ломку камня, извоз и доставку вещей¹⁸.

18. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 75. Л. 19.

ИСТОРИЯ

Привлечение крестьянского земледельческого населения на северо-восточный берег Черного моря, где было создано Закубанское поселение, являлось частью правительственной политики по мирному включению проживавших на этой территории адыгских народностей в состав империи. С этой целью происходило основание особых типов поселений — неказачьих станиц, жителями которых являлись утратившие навыки военного дела малороссийские казаки и крестьяне из южных и центральных губерний. Своим личным примером они должны были демонстрировать все преимущества мирного вхождения в состав империи и одновременно служить опорой властей в деле освоения новоприобретенных территорий.

Некоторая поспешность властей в решении этих вопросов привела к возникновению целого ряда трудностей, которые серьезно усложнили процесс адаптации крестьянских переселенцев к местным условиям. Важнейшими из них были нехватка домов для размещения прибывших, недостаток продовольственных запасов, ограниченный земельный фонд, хронический недостаток мест для водворения в неказачьих станицах, немирное состояние края, вынуждавшее переселенцев иметь в своем хозяйстве не только скот, земледельческий инструмент, но и огнестрельное оружие и патроны.

Частичное преодоление указанных трудностей достигалось благодаря помощи переселенцам со стороны властей, которая выражалась в выделении семенного фонда, необходимого инвентаря, вооружения, возмездных и безвозмездных денежных пособий, участков для разведения огородов. Специфической формой помощи была выдача билетов на право проживания и работы в Земле Черноморского казачьего войска до окончательного водворения в одном из населенных пунктов поселения.

Последнее совершенно не означало наступления мирной и беззаботной жизни для крестьянского населения. Наоборот, после окончательного водворения вся их последующая деятельность регламентировалась и подчинялась как интересам конкретной станицы, так и всего поселения в целом. Помимо полевых работ, водворенные жители активно участвовали в обустройстве новых населенных пунктов, осуществляли ремонт и поддерживали обороноспособность своего поселения. Эти и другие работы составляли несельскохозяйственные источники доходов для населения, которые играли второстепенную роль в их жизнедеятельности.

В распоряжение водворенных крестьянских семей передавались огороды, пашни и сенокосы. Однако землепользование и земледелие строго регламентировались воинскими станичными начальниками, которые на основании военного положения края определяли местоположение, продолжительность и интенсивность полевых работ, соизмеряя их с безопасностью местных жителей. Такие меры,

безусловно, оказывали негативное влияние на качество производимых сельскохозяйственных работ.

Населенные пункты Закубанского поселения и их жители не стали инструментом мирного включения проживавших на этой территории адыгских народностей в состав Российской империи. Такое положение стало результатом поспешной и недостаточно продуманной политики властей, которая вынуждала крестьянских переселенцев тратить ресурсы и время не столько на развитие хозяйства и обеспечение материального благополучия, сколько на ожидание своей очереди на водворение и последующую адаптацию к военным условиям края.

Библиография

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (1881). Архив Главного управления наместника кавказского: в 12 т. / Под ред. ст. сов. Ад. Берже. Т. 8. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского.
- Баррет Т. М.* (2000). Линии неопределенности: Северокавказский «фронт» России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара: Самарский университет.
- Бурыкина Л. В.* (2005). Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20–50-е гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. № 4. С. 20–22.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи (1853). В 17 т. Т. 16. Ч. 10: Восточный берег Черного моря. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба.
- Дубровин Н. Ф.* (2015). Кавказ и народы, его населяющие. Книга I. Кавказ. М.: Кучково поле, Горные технологии.
- Кудаева С. Г.* (2012). Северо-Западный Кавказ и адыги (черкесы) в контексте геополитических интересов противоборствующих держав (конец 20-х — начало 40-х гг. XIX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 2. С. 63–74.
- Кудаева С. Г.* (2014). Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Магарин О. Г.
- Новицкий В.* (1853). Анапа и Закубанские поселения (с картою) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества: в 30 книгах. Кн. 2. Тифлис: Типография Канцелярии наместника кавказского.
- Панеш А. Д.* (2006). Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: Адыгея.
- Перечицкая С. Л.* (2011). Заселение Юга Российской империи в последней четверти XVI–II в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 9 (63). С. 66–69.
- Сафонов С. В.* (1837). Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 году. Одесса: Городская типография.
- Покровский М. В.* (1989). Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.
- Ратушняк В. Н.* (2020). Кубанские исторические хроники. Малоизвестное об известном: очерки. Краснодар: Перспективы образования.
- Сазонова С. Е.* (2008). История заселения Анапского района украинскими переселенцами (30–60-е гг. XIX века) // Культурная жизнь Юга России. № 3. С. 75–78.

- Скибицкая И. М. (2010). Проблемы русской колонизации Закубанья на заключительном этапе Кавказской войны (1860–1864 гг.) // Культурная жизнь Юга России. № 1. С. 60–63.
- Скорик А. П., Федина И. М. (2022). Кубанские курени и станицы. Повседневный переселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII — первой трети XX века. Новочеркасск: Лик.
- Степанова Л. Г. (2020). Освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в.: структурно-формирующие факторы расселения // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год: Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники/землевладельцы и земледельцы / Отв. ред. А. А. Горский, В. В. Кондрашин. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 72–81.
- Федина И. М. (2022). Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Хотко С. Х. (2015). Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп: Полиграф-ЮГ.
- Чирг А. Ю. (2002). Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII (60-е гг.) — XIX в.). Майкоп: Качество.
- Щербина Ф. А. (2014). История Кубанского казачьего войска. М.: Вече.
- Moore D. (1992). Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855 (Studies in Soviet History and Society). Palgrave Macmillan, 1992.

Peasant resettlement to the North-Eastern coast of the Black Sea in the 1830s — 1850s: Settlement and land use

Sergey N. Shapovalov, PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Kuban State University. Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040. E-mail: shapovalov07@gmail.com

Abstract. The article considers the peasant resettlement to the southern outskirts of the Russian Empire in the first half of the 19th century. The author focuses on the features of the peasant rural settlement in Trans-Kuban in the 1830s–1850s and on the peasants' adaptation to local conditions. The article describes a special settlement type created by the authorities in this region — non-Cossack villages with peasants from southern and central provinces, which suffered from the permanent lack of places for accommodation, limited land fund, highlanders' attacks, and forced construction of new villages. The government provided the peasantry with agricultural implements, weapons, cash benefits, food and possibilities for non-agricultural earnings. After the final settlement of the non-Cossack villages, gardens, arable land and hayfields were transferred to their disposal. However, land use and farming were strictly regulated by the village authorities due to the constant military danger.

Key words: Trans-Kuban settlement, Anapa, non-Cossack villages, settlers, Natukhai, Black Sea Cossack army

References

Akty, sobrannyye Kavkazskoy akhrheograficheskoy komissiej (1881) Arkhiv Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo: v 12 t. [Acts Collected by the Caucasian Archaeograph-

- ic Commission, Archive of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus: in 12 vols.], vol. 8, Tiflis: Tipografiya GUNK.
- Barret T. M. (2000) Linii neopredelennosti: Severokavkazsky "frontier" Rossii [Uncertainty line: The North Caucasian "frontier" of Russia], *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let. Imperatorsky period*, Samara: SU, pp. 163–194.
- Burykina L. V. (2005) Krestnyanskaya migratsiya na Severo-Zapadny Kavkaz v 20-e — 50-e gg. XIX v. [Peasant migration to the North-Western Caucasus in the 1820s — 1850s], *Vestnik AGU*, no 4, pp. 20–22.
- Chirg A.Yu. (2002) *Razvitie obshchestvenno-politicheskogo stroya adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konets XVIII — 60-e gg. XIX v.)* [Development of the Social-Political System of the Circassians in the North-Western Caucasus (Late 18th — 1860s)], Maykop: Kachestvo.
- Dubrovin N. F. (2015) *Kavkaz i narody, ego naselyayushchie. T. 1: Kavkaz* [Caucasus and Its Peoples, vol. 1: Caucasus], Moscow: Kuchkovo pole, Gornye tekhnologii.
- Fedina I. M. (2022) *Poselencheskoe miromodelirovanie Vostochnogo Prichernomoriya: rossiysky opyt regionalnoy politiki XIX stoletiya* [Settlement World-Modeling of the Eastern Black Sea Region: A Russian Case of the Regional Policy in the 19th Century], Krasnodar: KGU.
- Khotko S.Kh. (2015) *Otkrytie Cherkesii. Kartograficheskie istochniki XIV – XIX vv.* [Discovery of Circassia. Cartographic Sources of the 14th — 19th Centuries], Maykop: Polygraf-Yug.
- Kudaeva S. G. (2012) Severo-Zapadny Kavkaz i adygi (cherkesy) v kontekste geopoliticheskikh interesov protivoborstvuyushchih derzhav (konets 20-h – nachalo 40-h gg. XIX v.) [North-Western Caucasus and Circassians in the context of the geopolitical interests of the opposing powers (late 1820s — early 1840s)]. *Vestnik AGU. Seriya 1: Regionovedenie. Filosofiya, Istoriya, Sotsiologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kulturologiya*, no 2, pp. 63–74.
- Kudaeva S. G. (2014) *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygsckogo obshchestva* [Circassians of the North-Western Caucasus in the 19th Century: Transformation and Differentiation of the Adyghe Society], Maykop: Magarin O. G.
- Moon D. (1992) *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855 (Studies in Soviet History and Society)*, Palgrave Macmillan.
- Novitsky V. (1853) Anapa i Zakubanskije poseleniya (s kartoyu) [Anapa and Trans-Kuban settlements (with map)], *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*, Tiflis: Tip. Kantselyarii Namestnika Kavkazskogo.
- Panesh A. D. (2006) *Myuridizm i borba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost (1829–1864 gg.)* [Muridism and the Struggle of the Circassians of the North-Western Caucasus for Independence (1829–1864)], Maykop: Adygea.
- Perechitskaya S. L. (2011) Zaseleniye Yuga Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XVIII v. [Settlement in the South of the Russian Empire in the last quarter of the 18th century]. *Izvestiya VGPU*, no 9, pp. 66–69.
- Pokrovsky M. V. (1989) *Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka: sotsialno-ekonomicheskie ocherki* [From the History of the Circassians at the End of the 18th — first half of the 19th Century: Social-Economic Essays], Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo.
- Ratushnyak V. N. (2020) *Kubanskije istoricheskie khroniki. Malozvestnoe ob izvestnom: ocherki* [Kuban Historical Chronicles. Little-Known about the Famous: Essays], Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya.
- Safonov S. V. (1837) *Poezdka k vostochnym beregam Chernogo morya na korvette Iphigenia v 1836 godu* [A Trip to the Eastern Shores of the Black Sea on the Corvette Iphigenia in 1836], Odessa: Gorodskaya tip.

С. Н. Шановалов
Переселение крестьян на северо-восточный берег Черного моря в 1830–1850-е годы

- Sazonova S. E. (2008) Istoriya zaseleniya Anapskogo rayona ukrainiskimi pereselentsami (30–60-e gody XIX veka) [History of the Ukrainian settlement in the Anapa Region (1830s — 1860s)], *Kulturnaya Zhizn Yuga Rossii*, no 3, pp. 75–78.
- Shcherbina F. A. (2014) *Istoriya Kubanskogo kazachiego voyska* [History of the Kuban Cossack Army], Moscow: Veche.
- Skibitskaya I. M. (2010) Problemy russkoy kolonizatsii Zakubaniya na zaklyuchitelnom etape Kavkazskoy voyny (1860–1864 gg.) [Issues of the Russian colonization in the Trans-Kuban Region at the final stage of the Caucasian War (1860–1864)], *Kulturnaya Zhizn Yuga Rossii*, no 1, pp. 60–63.
- Skorik A. P., Fedina I. M. (2022) *Kubanskie kureni i stanitsy. Povsednevny pereselenchesky uklad kubanskih kazakov i istoricheskie formy poselenij na Kubani v kontse XVIII — pervoj treti XX vekov* [Kuban Kurens and Villages. Daily Life of the Kuban Cossack Settlers and Historical Forms of Settlements in the Kuban in the Late 18th — First Third of the 20th Century], Novocherkassk: Lik.
- Stepanova L. G. (2020) Osvoenie yuzhnyh territorij Rossijskoj imperii v kontse XVIII — pervoj polovine XIX v.: strukturno-formiruyushchie faktory rasseleniya [Colonization of the southern territories of the Russian Empire in the late 18th — first half of the 19th century: Structural-forming factors of settlement], *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*, Ed. by A. A. Gorsky, V. V. Kondrashin, Voronezh: “Nauchnaya kniga”, pp. 72–81.
- Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii (1853)* [Military-Statistical Review of the Russian Empire], vol. 16, part 10: Vostochny bereg Chernogo morya [Eastern coast of the Black Sea], Saint Petersburg: Tip. Departamenta Generalnogo Shtaba.